***

Сентябрь. Крапивницы ещё летали.
Шумел фонтан. Разоблачался клён
ясенелистный. Листья жёлтые лежали.
И в это всё я был влюблён.

И я хотел признаться, но кому же?
Крапивницам и небесам.
Но так ли голос мой был нужен
хотя бы мокрым голубям?

Нет, нежность вся невыносима
и безответна, хоть любовь светла.
Она в тебе была и мимо
прошла.

***

Не о берёзках и шахтёрской славе —
об этом я не то что не могу,
об этом попросту не вправе,
ведь я у воздуха в долгу.

Здесь долгий сон, грохочущие шахты,
живое напряженье жил,
и с мыслью «пепел, перхоть, прах ты»
за сигаретами выходит старожил.

Так пусто днём, что лучше б вечер,
деревья мне напоминают стариков,
и угольною пылью переперчен
местами скат снегов.

Стараниями искалечена аллея,
на пустыре тут не достроен стадион,
и лезет из земли, коричневея,
трава, худая испокон.

Давно тут выцвели фасады,
где ярко геометрия жила,
и непонятно мне, чему же рады
сияющие купола.

Тут на проспекте многолюдно,
снег, перемолотый в халву.
Родное всё, всё дурно, трудно,
всё наяву.

Как посторонний, как прохожий,
бреду через жилой квартал,
и бедные предметы смотрят строже,
не понимая, кто такими их создал.

***

Я не знал вдохновения или полёта.
Было только мучение, жгучая рвота.
Никакого молчания, Тютчев наврал.
Нам даётся отчаянье, я бы сказал,
не для бегства и ужаса, не для усердий.
Голова моя кружится, словно в предсмертьи.

Разрываются коконы, чтобы всё началось,
чтобы слепнули около, но чтоб голос насквозь.

***

Всё иначе представлялось,
но не ласкова усталость.
Может, жизнь не так нежна.
Может, вовсе не нужна.
Снега синь и листьев алость —
да, конечно, это малость,
но она верна.

***

Я не буду, не буду, не буду!
Но неведомо, как перестать.
Человек обращается к чуду
(как подсолнухи к солнцу) опять.

На одно ледяное мгновенье
жаркий дар показался тяжёл.
Но от света растаяли тени.
Я дышу, я ещё не ушёл.

Нелегко мне даётся дыханье.
Синий воздух завязан узлом.
Непонятно, невнятно страданье
в мире трудном, огромном, родном.

***

Июньским вечерком
сидел, смотрел на воду
и слухом поглощал природу,
с которой незнаком.
Она свистела, щебетала,
и что-то чавкало в воде.
Она со мной не совпадала,
она меня не понимала,
а я не отвечал звезде,
зачем я наделён сознаньем,
зачем ему темно.
Ни вечером, ни утром ранним
звезда не падает и не идёт на дно.

***

Набережной убелённое пространство.
В жизни смысла нет, но тянется не зря.
Человек есть честное непостоянство
в сером воздухе рябого декабря.

В никуда, в ничто нацеленная стела.
Перед вечным и оранжевым горит
то, что пело, мучилось и уцелело.
Что за человек я? Что я за подвид?

Нынче я как будто в первый раз проснулся
и увидел тусклый, разрешённый свет.
Ржавый лист на ветке дерева свернулся —
это куколка, не знающая бед.

***

Морозен — потому-то и чудесен.
Струится радостная грусть
от стаи свиристелей, от их песен.
Погибнет грусть? Погибнет. Ну и пусть,

ведь на существованье нет запрета.
Смотреть, как вытянуты тополя,
как беззащитны. Временна победа,
но дела нет им, что не для

чего-то рост, старание, стремленье.
Под ними припаркован джип.
С блаженством, с жизненною ленью
рождается прозрачный скрип.

Тончайшей, смертной плёнкой иней
на худосочных ветках верб.
Заслушиваться тишиною синей —
крещендо и ущерб.

***

Ты тяжела, всё тяжелей,
хоть восхитительна в придачу,
и это чувствую острей,
когда считаю, словно сдачу,
я в сквере звёзды. Как потрачу?

Роскошная, не мелочи,
твердя мне о процентном росте,
ведь удержать твои лучи
(какие золотые ости!)
не хватит нежности и злости.

***

Рождение аккорда в тишине,
теперь их два, теперь их три,
но многого не говори —
в особенности мне.
Я всё и без того пойму:
и свет в тебе, и собственную тьму.

***

Голубь в голубых сапожках
и сиреневом воротничке,
разувайся, розовые ножки
покажи на искристом снежке.

Воздух зябкий, но не злобный
не наделает тебе вреда.
Снег — материал удобный
для миниатюрного следа.

Но не можешь ты на месте
устоять и мчишься, топоча,
забывая крестик, крестик, крестик
и воркуя сгоряча.

Что тебе пшено и крошки,
если ты перед женой
демонстрируешь сапожки,
голубые, как небесный зной?